

АРХИМАНДРИТ
Савва Мажуко

Духовные упражнения

архимандрит Савва (Мажуко)

Духовные упражнения

«Никея»

2019

УДК 248.12
ББК 86.372

(Мажуко) а.

Духовные упражнения / а. (Мажуко) — «Никея», 2019

ISBN 978-5-91761-953-8

Невозможно достичь высот духовности, не научившись здороваться. Но в творениях святых отцов этому не учат – как не учат и бороться с депрессией, дружить, воспитывать детей и многому другому. Древняя христианская аскетика была придумана для монахов, мирянам она не по размеру. Так может, стоит начать духовную работу над собой с воспитания учтивости, деликатности, отзывчивости... В новой книге отца Саввы – новый, неожиданный взгляд на духовную жизнь и прежний, полюбившийся читателям стиль: немного философии, немного юмора и много доброты.

УДК 248.12

ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-953-8

© (Мажуко) а., 2019

© Никея, 2019

Содержание

Властелин времени	6
Семь этажей духовности	7
Религиозный аутизм	9
О чем молчат кошки?	11
Вопроси тестя своего!	13
Духовный статус торта	15
Если не означено, значит, не значительно	17
Прояви уважение!	18
Постмодернизм	19
Значительное должно быть означено	20
Что дороже жизни?	21
Оскудевшая современность	22
Пепел библиотек	23
Как рождается взгляд?	24
Как возможно кощунство?	26
Молчание старца	27
Ослепший мир	28
Можно ли простить Гитлера?	29
Нездешний Бог	31
Бог без Родины	32
Фродо пишет Толкину	33
Бог Воплощенный	34
Христианство и религия	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Савва (Мажуко), архимандрит

Духовные упражнения

© ООО ТД «Никея», 2019

© «Православие и мир», 2019

© Савва (Мажуко), архим., 2019

Властелин времени

Духовность – крайне опасная сфера. Любой, кто касается ее, подвергает себя серьезному риску. Для писателя этот риск удваивается ответственностью перед читателем и утраивается от пристального взора критиков и специалистов в духовной области. Последним скажу откровенно: то, что вы здесь прочтете, вовсе не очерк православной аскетики. Если кому-то захочется укорить меня, что мои размышления не соответствуют духу святоотеческого предания, возражать не стану и просто напомню, что я ни в коем случае не претендую на то, чтобы воспроизводить здесь учение древних отцов, это дело специалистов и знатоков патристики, к числу которых я не принадлежу. Мне интересно писать только о том, что пережил сам и в пользу чего убедился на собственном опыте, и, если угодно, принимайте название «духовность» в моем случае с оговоркой, это мое авторское понимание духовности без претензий на истину в последней инстанции и уж тем более на святоотеческий канон.

Упражнениями я называю свои опыты тоже с поправкой, потому что вещи сугубо практические будут перемежаться и сопровождаться теоретическими рассуждениями, без которых никак нельзя: у духовных практик должно быть свое богословское обоснование.

Тем, кто еще не разобрался, говорю напрямую: цикл «Духовные упражнения» – это мои личные размышления, личные проблемы, которыми я буду делиться и разрешать у вас на глазах. Если вы ищете сокровища святоотеческой мудрости, то вам не сюда, есть множество прекрасных авторов и исследований, к которым я и сам прибегаю с радостью и благодарностью.

Поскольку язык искусства мне ближе, чем научные штудии, позволю себе образ, который помогает мне понять самого себя. В 1986 году, десятилетним пионером, я увидел французский мультфильм «Властелины времени». Снят он по роману талантливого, но, к сожалению, малоизвестного фантаста Стефана Вюля. Маленький мальчик теряет в катастрофе отца и оказывается один на чужой планете, населенной злобными насекомыми. Единственное, что у него есть, – передатчик, который связывает его с друзьями отца, спешащими на помощь. Это его единственное утешение и защита. Особенно радостно и тепло малышу, когда с ним разговаривает старичок-астронавт, покалеченный и повидавший жизнь веселый дедушка. Он не однажды спасает малышу жизнь и даже поет ему бодрые песенки. Однако передатчик попадает в руки злодея, который выводит мальчика на поле кровожадных ос. Израненного и полумертвого паренька успевает спасти бродячий астронавт, вылечивший мальчишку и ставший ему вторым отцом. В конце мы узнаем, что наши герои попали в поле эксперимента Властелинов времени, и покалеченный старичок – это и есть тот самый малыш, только сильно повзрослевший и проживший долгую и полную приключений жизнь. Старик обращался к себе самому сквозь десятилетия. Мальчик слушал советы себя повзрослевшего.

Духовные упражнения, которыми я хочу поделиться, – это обращение меня, «старичка», к тому юному пареньку, который однажды забрел в этот опасный мир и не нашел рядом человека, который бы присмотрел за ним. Все, что я пишу, – это письма себе, подростку и юноше, то, что я хотел бы услышать, то, что мне надо бы услышать тогда, четверть века назад, но не было рядом такого человека, такого голоса, такого средства общения. Но я надеюсь, что мой голос, мои «ободряющие песенки» пойдут на пользу другому малышу, может быть, кого-то и мне посчастливится спасти от зловещих насекомых, от дикой злобы «повелителя мух».

Семь этажей духовности

– Савва, сделай духовное лицо. Ну, пожалуйста...

– Кому?

Скажу, как на духу, одним духом выдам: хоть я и духовное лицо, но вижу, что лицо у меня далеко не духовное, однако мне хватает духу принять то, от чего я бываю не в духе, пусть это и в духе нашего времени.

В одном предложении семь «духовных» слов, но значения их не совпадают. «На духу» значит откровенно, как на исповеди, к которой это старинное выражение и отсылает. «Духовное лицо» – это о моем социальном и юридическом статусе, ведь я священник, «служитель культа», и слово «лицо» здесь – индивидуум, субъект права. Но в зеркале я вижу не юридическое лицо, а переднюю часть головы, мой внешний облик, наружность, которая предательски выдает мое настроение, характер, внутреннее состояние. Полагают, что одухотворенное лицо свидетельствует об успехах духовного развития, но у меня «духовное лицо» долго не держится, сколько ни упражняйся.

«Не хватило духу» – это о воле, способности принимать решения, стойкости характера, мужественности.

«Быть не в духе» – это из сферы эмоций – о плохом настроении.

Не забыть еще и про целый куст значений, связанных с дыханием: «одним духом», «что есть духу», «дух захватывает», «испустить дух».

Навещаю старинную схимницу:

– Как вы, матушка?

– Ой, батюньчик! Дух не дышит, – тяжело вздыхает старушка.

Зачем нам погружаться в жаркое горнило семантики, тщательно «отслаивая» значения слов? Раз уж мы собрались говорить о духовных упражнениях, следует разобраться с тем, что такое духовность, что мы имеем в виду.

Упражнения требуют постоянства, системы, точности, самоотдачи. По утрам нужно делать зарядку. Это духовное упражнение? Как сказать. Зарядку делает тело, а дух есть нечто нематериальное, нефизическое. Но чтобы стать на зарядку, просто проснуться, открыть окошко, стряхнуть с себя сон и начать выполнять предписанный комплекс движений и делать так каждое утро, нужен характер, сила духа, бодрость духа, если не сказать духовная зрелость, духовное здоровье. Отчего и говорят: «В здоровом теле здоровый дух», и мы не станем спорить, что первично.

О крепости духа говорят, когда человек способен на поступок, на подвиг, что выводит героя за грань телесного и материального. Януш Корчак не смог оставить своих учеников лицом к лицу со смертью, одних, и сам предпочел смерть благополучному доживанию. Он просто не мог поступить иначе. К какому отделу анатомии отнести совесть и достоинство учителя? Какой химией эти качества определяются? Если нет ничего ценнее человеческой жизни, как этот мудрейший человек добровольно отдал себя в руки палачей?

Белорусский пионер Марат Казей, четырнадцатилетний мальчишка, которого никто не заставлял воевать, никто не обязывал, добровольно пошел в партизанский отряд и погиб, отстреливаясь от фашистов, подорвав себя последней гранатой. Что это, если не образец силы духа? Даже пионер понимал, что есть нечто нематериальное, что имеет право судить и взвешивать поступки существ из плоти и крови, и это нематериальное относится к сфере духовности.

Православный человек может возмутиться духом от таких слов. Ведь мы прекрасно понимаем, что духовность может быть только в Церкви, все остальное не более чем душевность, а то и обольщение, прелесть, тщеславие и нечистота.

– Марат Казей отбивался от врагов на глазах у всей деревни. Вот вам и мотив – тщеславие и гордыня. Все тут понятно.

– А христианские мученики умирали не на глазах у публики? Никому и в голову не придет подозревать их в славолюбии. Прояви уважение к герою!

Антон Павлович Чехов, будучи успешным писателем, мог себе позволить роскошные вояжи на Средиземное море, но вместо Греции сознательно выбрал Сахалин. Его записки о далеком острове, о жутком бесчеловечии тюремной системы, о несправедливости, царящей там, способствовали облегчению жизни заключенных. Чехов в одиночку провел перепись населения Сахалина! Подумайте только! И никогда не кичился этим. Это был скромный и застенчивый человек. Только после его смерти стало известно, сколько он сделал во время эпидемии холеры, превратившись из писателя снова в рядового врача, скольким помог во время голода, сколько построил школ. Скромность и благородство не вводятся внутривенно, они требуют духовного труда и напряженного усилия.

– Вы намекаете, что Януш Корчак, Марат Казей и Антон Чехов – святые?

– Ни в коем случае! Мне просто хочется показать, что рядом с христианской духовностью есть и другая духовность, универсальная, которой и мы, христиане, тоже причастны, и ею мы не можем пренебрегать. Пространство этой духовности охватывает мудрость предшествующих поколений, науку, искусство, музыку, мораль и просто правила хорошего тона, вежливость и учтивость, а также спорт, политику и даже дух предпринимательства. Ни одна из конфессий не вправе приватизировать ни одну из этих областей, они принадлежат всему человечеству как организму духовному, то есть выходящему далеко за пределы физического измерения.

Унижает ли христианство наличие где-то рядом универсальной, общечеловеческой духовности?

Эта претензия похожа на страх отразить в зеркале юридическое лицо. Духовность универсальная и духовность церковная – это две параллельные реальности, которые, однако, могут и должны пересекаться в жизни конкретного человека, но как и в каких безопасных пропорциях, нам предстоит выяснить.

Религиозный аутизм

Слово «духовность» я впервые услышал в связи с именем академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, выдающегося русского ученого и общественного деятеля. Он родился в 1906-м, умер в 1999-м. Ему выпало жить, может быть, в самый сложный период российской истории, но он прожил свою жизнь с достоинством великого человека, ничем себя не запятнав, став для многих образцом глубокой порядочности. В годы моей юности его слову внимали как слову мудреца. Не просто ученый, академик, влиятельная фигура, а именно мудрец – хранитель духовности. И если вы еще не потеряли надежды увидеть лицо по-настоящему одухотворенное, найдите портрет академика Лихачева.

Но вот у меня перед глазами другой образ: преподобный Серафим Саровский молится на камушке. Эта икона висела в комнате прабабушки, и я ее хорошо запомнил. Святой Серафим учил, что стяжание Духа Святого Божия есть цель христианской жизни: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи». Подлинной чистотой и безграничным милосердием веет от образа преподобного. Это лик прозорливца, подвижника, который познал страдание и вынес из него глубокую любовь к людям.

Два портрета: старец и академик. А теперь скажите: кто из них духовнее? Верующий человек, скорее всего, отдаст предпочтение святому, светский – академику.

– Старец Серафим творил чудеса, через него Бог открывал людям великие истины, он был сосудом благодати, а академик всего лишь добренький старичок. Кого он в своей жизни исцелил? Вряд ли бы смог профессор простоять на камне тысячу дней и ночей. А провести несколько лет в затворе? Ему даже и близко не подойти к таким подвигам! Да и молился ли он вообще? России нужны святые, а вы прославляете академиков!

– Дмитрий Сергеевич Лихачев столько сделал для сохранения и развития русской культуры! Это был настоящий подвижник и делатель. Его фундаментальные труды по истории древнерусской литературы являются золотым фондом науки. А знаменитая серия «Литературные памятники», которую он редактировал и просто спас своим авторитетом! Это мировой уровень работы с текстом и самое высокое качество научного издания, и это только одна из немногих заслуг Дмитрия Сергеевича!

Можно долго спорить и множить аргументы, но это ни к чему не приведет, потому что речь идет о двух разных духовностях. Сравнить духовность старца и академика – то же, что искать ответ на вопрос «Что длиннее: белое или тяжелое?».

Старец и академик. Оба – подвижники, оба – мудрецы, оба – оплоты и маяки духовности, но и подвижничество, и мудрость, и духовность у них различной природы. Академик был апостолом универсальной духовности, старец – духовности евангельской. Различие двух духовностей – факт не азартного теоретизирования, а предельно осязаемой практики, наших жизненных стратегий и повседневного опыта.

Но вот вопросы: зачем нам, христианам, различать эти духовности? Нужна ли верующему человеку универсальная духовность? Не будет ли мне, христианину, достаточно духовности религиозной, подлинной и благодатной?

Мы различаем две духовности не для того, чтобы отречься от первой и защитить вторую, а чтобы научиться пользоваться преимуществами и той и другой, но к своему месту и ко времени. Речь идет не о философских спекуляциях. Мы – практики, и нас интересуют духовные упражнения. Задача духовного упражнения – привить и развить полезный духовный навык. А вот какой из духовностей принадлежит тот или иной навык, надо уметь распознать ясно и отчетливо. Если вы чувствуете пределы и возможности каждой из духовностей, вы будете точно знать, чего не надо искать там, где его не может быть, чего та или иная духовность дать вам не в состоянии.

Евангельская духовность единит нас с Самим Богом, учит богообщению, приобщает к величайшим тайнам, а в Евхаристии делает единокровными и единотелесными Христу, Воплощенному Богу. Но ни в Евангелии, ни в творениях отцов вы не найдете ответов на вопросы: что такое дружба, как научиться учиться, как правильно отдыхать, как руководить людьми без самодурства и подчиняться без раболепия, как справляться с провалами и отказами, как ладить со старшими, как воспитывать детей, как ухаживать за девушкой и многое другое, чего нет в Писании и не должно быть.

С другой стороны, в бескрайнем море универсальной духовности глупо искать описание опыта живого богообщения, того богооткровенного дара, который есть только в Церкви. Этот факт не возвышает Церковь и не унижает мир. Каждому свое.

Можно ли прожить, довольствуясь только одной из духовностей? Можно, и большинство обходится малым.

– Зачем нам академик Лихачев, если есть святой Серафим?

– Зачем нам саровские монахи, если у нас есть академики?

Даже и не подумаю убеждать светских людей, что им нужно Евангелие. Жажда услышать Слово Божие – это глубоко личное событие, и если этого не пережил, бесполезно пускаться в споры. Меня волнуют трудности церковных людей, в опыте которых обе духовности пересекаются, сбивая всех с толку. Нерешенные проблемы универсальной духовности вплетаются в вопросы религиозной жизни. И тут возможны трагические ошибки, а верующим свойственно все болезни лечить церковными средствами.

Но каждой болезни свое лекарство. Если ваша проблема из области универсальной духовности, то и решать ее следует соответственно. Предположим, что у вас не развит навык общения, вас не научили слушать, терпеливо объясняться, уметь быть правильно понятым, поддерживать разговор, а потом и дружеские отношения. И вот вы вдруг осознали пробел в своем духовном развитии, – а это проблема духовная, – и отправились к духовнику, а он посоветовал вам побольше читать Евангелие, потому что там все сказано, и чаще молиться. Но я не думаю, что вам это поможет. Здесь нужны другие средства, которые легко можно найти в поле духовности универсальной, и этот факт способен многих смутить.

– Значит, в Евангелии сказано не все?

– В Евангелии сказано все, что должно быть сказано в Евангелии. Но не надо искать в этой Святой Книге того, чего там быть не может. Евангелие – о Христе и о Церкви, а о проблемах коммуникации написаны другие книги.

Есть люди, которых это открытие по-настоящему выбивает из седла. Но проблема тут не в Евангелии, а в религиозном аутизме, который так же удобен, как и вреден. Кроме религиозного аутизма есть еще и светский культурный аутизм, но с ним пусть разбираются другие.

Мы, действительно, не найдем в наших религиозных текстах науки о дружбе, учтивости, вежливости, об искусстве ведения переговоров, организации времени и многом другом. Обижает ли священных писателей отсутствие в их текстах этой проблематики? А может ли их святые книги унизить отсутствие сведений об интегральном исчислении или основ картографии? У наших духоносных старцев были другие задачи, другое служение. Однако отвечая на вопрос, нужна ли верующему универсальная духовность, подумайте, каково изучать Писание человеку, которого не научили читать?

О чем молчат кошки?

Если мы говорим, что к сфере универсальной духовности относится мир идей, искусство, мораль, наука, политика, право, а также спорт и бизнес, может, речь идет о культуре, а не о духовности? В таком случае не лучше ли говорить о культуре и культурности, а слово «духовность» вернуть людям религиозным? Или это не более чем спор о словах?

На этот вопрос я бы ответил: и да и нет.

Да – потому что, действительно, это спор о словах.

Нет – потому что этот разговор имеет самые практические последствия.

Как бы я ни любил кошек, но мы живем с ними в параллельных мирах. Наш духовный мир, о котором кошки только смутно догадываются, я бы назвал областью подлинно человеческого. Когда мы хотим его описать, не для кошек, а для себя, мы даем ему названия в зависимости от того «центра тяжести», который актуален в данный момент.

Если речь идет о ценности человеческого творчества, о творческой активности человека, этот параллельный кошкам мир подлинно человеческого мы назовем культурой.

Если «центр тяжести» переходит в область этики, если мы описываем область подлинно человеческого в логике добра и зла, мы называем наш скрытый от кошек мир духовностью.

Кошки не догадываются о нашей духовности и культурности. Хоть что-то мы можем от них скрыть. Хоть где-то мы можем от них скрыться. Если вам и встречались религиозные коты, то, скорее всего, это были пожилые, дореволюционные личности, которые застали те времена, когда в школах еще преподавали Закон Божий. Или я что-то путаю? Да что кошки! Некоторые люди порой не догадываются о своей духовности!

Правда, какие-то зачатки духовности в кошках порой высвечиваются, но в большинстве своем кошки аморальны, точнее, вне-моральны, и те товарищи, которые зовут выйти за пределы добра и зла, на самом деле просто завидуют кошкам.

Религиозные люди – не кошки. Доказательству этого тезиса я посвятил свою докторскую диссертацию, а потому не стану приводить все аргументы, отослав читателя к тексту исследования.

Итак, религиозные люди – не кошки. Они люди. Значит, как и положено людям, они обитают в параллельном кошкам мире, в мире подлинно человеческого, дышат воздухом духовности и культуры. Не только дышат, но и выдыхают, влияют на атмосферу духовности и культуры вместе с другими людьми. Религия не выводит нас из области подлинно человеческого. Мы разделяем поле универсальной духовности со всем человеческим родом.

Моя приятельница работает в больнице. Однажды в четыре часа утра она услышала в больничном коридоре колокольный звон. Оказалось, что на лечение прибыла чрезвычайно набожная дама, привыкшая вставать очень рано. Каждое утро она включает на своем планшете колокольный звон, затем утренние молитвы и проповедь батюшки. Ей пытались напомнить, что в палате лежат еще пять человек и они бы хотели поспать, и, кстати, говорят, изобрели наушники. Богомольная дама удивленно скидывала брови:

– Вы мне должны спасибо сказать, что я доношу до вас Слово Божие и к Церкви приобщаю. А колокольный звон очищает воздух. Вы тоже почувствовали?

И она права. Оставаясь в границах религиозной духовности, она абсолютно права. Но если вы напомните ей об учтивости, вежливости, уважении, она вам резонно возразит, что таких слов нет в нашем церковном лексиконе, и не погрешит против истины. Церковь не учит учтивости и такту. Не потому что Церковь – общество идейных грубиянов (хоть порой и создается такое впечатление). Просто учить вежливости не дело Церкви, у нее совсем иные задачи.

Что не так с этой дамой?

Она ведет себя неприлично. Она нарушает законы общежития. Дело не в ее религиозном энтузиазме, дело в том, что она дурно воспитана. Религия не дает санкции на грубость и наглость. Хотя мне довольно часто встречались церковные люди, исповедующие религиозно обоснованное хамство как важнейшую миссию Церкви.

Другими словами, можно достичь определенных высот в религиозной духовности, но остаться духовно неразвитым в духовности универсальной. Религиозный человек может быть некультурным и недуховным, духовно недоразвитым, и это выталкивает его из мира подлинно человеческого и сближает с миром параллельным, где хозяйничают звери.

Ведешь себя как свинья? Не удивляйся, если в тебя войдут бесы.

Вопроси тестя своего!

В юности я сильно смущался, подозревая в книге Исход следы комедии. Но подумайте сами, что же мне было делать, если некоторые сюжеты этой святой и серьезнейшей книги невероятно комичны. Пророк Моисей, который общается с Богом лицом к лицу, чудотворец, поразивший египетских магов такими чудесами, что эти профессионалы колдовства со стыдом скрылись даже со страниц истории, этот величайший учитель, временами смотрится нервным, усталым человеком, который тонет в болоте ежедневных забот.

В книге Исход есть сцена серьезного разговора Моисея с тестем. Так устроено человеческое ухо, что любое упоминание тестя или тещи способно сбить самый густой туман пафоса и торжественности. Самый главный из пророков израильского народа вышел судить тяжбы своих граждан, и нам представляется величественное судилище и седовласые мудрецы в широких ризах. Но тут в кадре появляется прозаическое лицо тестя, и музыка труб неприлично захлебывается.

– *Что это такое делаешь ты с народом? Для чего ты сидишь один, а весь народ стоит пред тобою с утра до вечера?* (Исх. 18: 14).

И вместо торжественного заседания мы видим усталого пожилого человека, который дни напролет занят разрешением бытовых споров, и он один, а их много, и они идут к нему со всякими глупостями, и пророк разбирает дело каждого, а по-другому он не умеет, вот и тянет лямку жизни, мучаясь сам, истязая других. А перед уставшим пожилым человеком стоят измученные очередью люди, которые делают как сказано – не мы придумали, не нам менять, предки терпели, потерпим и мы.

И вот появляется тесть и ругает пророка и боговидца:

– *Нехорошо это ты делаешь* (Исх. 18: 17).

Сказать такое человеку, которому Сам Бог дает законы! Как пророк может что-то делать нехорошо, неверно, неправильно? Выходит, может, раз Моисей смиренно принимает критику.

– *Ты измучишь себя и народ сей, который с тобою; ибо слишком тяжело для тебя это дело: ты один не можешь исправлять его* (Исх. 18: 18).

Тесть дает совет Моисею, как правильно организовать судебное делопроизводство. Надо разделить функции: оставить себе служение посредника между Богом и людьми, то есть власть законодательную, а исполнительную и судебную передать тысяченачальникам, стоначальникам, пятидесятоначальникам и десятиначальникам и письмоводителям, выбрав для этого *людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть* (Исх. 18: 21).

Прекрасное библейское описание качеств хорошего чиновника, не так ли? Четыре важнейшие черты: профессиональная пригодность, богобоязненность, честность и бескорыстие. Еще одно подтверждение того, что Библия – мудрейшая из книг!

В чем же причина моего смущения? Меня терзала мысль: Бог видел, как мучается Моисей, но ничего ему не сказал, не научил его, как правильно поступить. Господь говорил с Моисеем как с другом, но не дал ему такой простой совет, а ведь это не только облегчило бы всем жизнь, но и стало законом, ориентиром для организации жизни следующих поколений. Почему Бог ничего не сказал Моисею? Вместо откровения – унижительная отповедь тестя.

Мудрый и полезный совет пришел Моисею совне, не из недр его народа, и даже не из глубин его религии, он не был результатом откровения, но пророк принял его с благодарностью. Тесть Моисея принадлежал другому народу и к религии Моисея не примкнул, ведь Писание говорит о нем как о мадиамском жреце, который практиковал задолго до встречи с Моисеем. У своего зятя он был только в гостях – не присоединился к странствующему Израилю и, как сообщает книга Исход, после общения с семьей зятя возвратился в землю свою (Исх. 18: 27).

Боговидец Моисей прислушался к совету священника другой религии и чужого народа. Экуменист ветхозаветный! Почему он не спросил Бога о том, как работать с людьми? Почему Бог не вразумил Своего пророка, а вместо этого допустил унизиться ему, приняв совет от жреца-инородца?

Эта библейская история стала для меня первым шагом в избавлении от религиозного аутизма. Аутисту не интересен внешний мир, он для него не существует. Аутистом быть очень удобно, а в религии можно найти любое обоснование клинической лени и отупляющему нелюбопытству, просто повторяй мантру:

– Это не то, что нужно христианину!

Если вы пустынный и живете среди диких скал и диких коз, вам, действительно, все это только мешает, потому что будет отвлекать от молитвы и полного единения с Богом. Но раз вы читаете этот текст, вы точно не отшельник, и рядом с вами есть люди, и с ними надо научиться ладить, а если вы мужчина, отец, муж, начальник, вам надо научиться руководить, принимать решения, работать в команде. Все эти навыки принадлежат области универсальной духовности и культуры.

Тесть показал Моисею, как решать проблемы организации работы с людьми малой кровью, он поделился с ним житейским опытом, а этот опыт кристаллизуется и хранится в пространстве подлинно человеческого, которому принадлежит каждый человек, какой бы религии он ни придерживался.

А урок такой: не задавай Богу вопросов, на которые может ответить тесть.

Духовный статус торта

В день рождения дочери мой друг вывалился из окна. Спасли крепкие руки товарищей и вишня, что росла под окном. А ему всего-то хотелось вывесить флаг, чтобы вся улица знала, что сегодня родилась самая красивая девочка на свете.

Отсюда вывод: готовишься стать отцом – посади под окном дерево.

Папы обычно сходят с ума, когда рождается первый ребенок. Потому что человек переживает настоящее метафизическое перерождение. Был обычный парень, веселый, крепкий, забавный – просто чудесный цветок на родовом дереве, и вдруг – отец! Все изменилось, перевернулось, потому что мужчина кожей, нутром почувствовал, что он теперь не сам по себе, лихой бродяга, а находится у самого основания корня, он сам и есть этот корень, от которого разовьется большой род. Будто в разряде молнии на миг осветилось все дерево рода, и он почувствовал всех своих детей, внуков, правнуков, кожей ощутил и запомнил тяжесть каждого потомка.

Половина шестого утра. Стою в алтаре. Готовлюсь к литургии. Влетает приятель.

– Вы понимаете... Такое дело... Я ей говорю: дед у меня Алексей. Он на фронте погиб. Так он тоже вот такой был, мордастый. У нас все такие в роду. Казаки! А она: какой же Алексей, если сегодня Петр. И что, если Петр? Ведь тут, сам понимаешь, четыре сто, а она – Петр. Конечно, Алексей! Я и маме звонил. Взял такси и ходу.

– Ничего не понимаю. Какой Алексей, кто такой Петр? Чего шумишь? Пять утра!

– Если бы пять! Так ведь четыре сто! Это же только Алексей. Я сейчас опять туда. Надо же что-то делать! Надо что-то везти... Ведь Алексей – так лучше звучит, мужественней? А она: Петр...

Сразу до меня не дошло, что несколько часов назад у моего тихого и интеллигентного друга родился сынок. А ведь я подумывал звать санитаров. Пришлось дать задание ребятам срочно напоить папу, чтобы сохранить ему психическое здоровье.

Примечательно, что оба «первороденных» отца рвались что-то делать. Одному срочно понадобилось водрузить на высотах стяг, другой готов был останавливать поезда и автомобили и даже идти крестным ходом. Если произошло нечто естественное и предсказуемое, зачем все эти лишние движения?

Потому что каждый человек понимает или, скорее, чувствует:

значительное должно быть означено.

С нашими папами произошли не рядовые естественные события, а *значительные*. Всякое значительное событие требует знака. Так устроен человек. Как говорил один покойный философ: «Человек – существо символическое». Мы живем в мире символов, мы их создаем и ниспровергаем, на место старых воздвигаем новые, но обойтись без символов люди не могут.

От избытка сердца говорят уста (Мф. 12: 34). Не только говорят уста, но и делают руки, танцуют ноги, толпы незнакомых людей собираются вместе и идут в далекие страны не ради дохода, а чтобы поцеловать старые камни.

Область символа и знака – это точка, где универсальная духовность так близко сходится с религиозной, что их порой невозможно различить. Но вопреки этой невозможности различать их все же придется. Если угодно, такое различение – одно из духовных упражнений, которое очень помогает нам, христианам, понять природу нашего религиозного опыта.

Учитель заходит в класс. Дети встают. Зачем? Какая в этом польза? Дети проявляют уважение к учителю. Обратите внимание на глагол «проявить», он очень важен. Мое поколение еще помнит процесс проявления пленки для фотографий. Сделал снимок? Прояви пленку и зафиксируй. Отдельные граждане запирались в темных ваннах, и при свете красного фонаря

творилось чудо: на матовых карточках постепенно проявлялись изображения людей, домов, деревьев – настоящее волшебство!

Уважение – категория духовной жизни человека. Почему духовной – потому что это состояние духа, его не видно, пока оно не облечется в тело знака. Уважение должно быть означено, проявлено, оно должно обрести форму, оформиться в осязаемый символ, жест, духовный опыт должен обрести воплощение в понятном людям образе.

Рядом с уважением стоит почтение, воздаяние чести. Человеку недостаточно просто проинформировать другого, послать уведомление об уважении по почте или на словах. Нужен знак. Знак необходим там, где человек переживает значительное, значимое событие. Значительное должно быть означено.

Если не означено, значит, не значительно

Поэтому так обижаются девушки, которым ухажеры не дарят букетов и тортиков. Если ваши чувства к девушке значительны, они просто обязаны быть означены, подтверждены *знаком внимания*. Нельзя обойтись фразой: «Но ведь ты и так знаешь, что я тебя люблю, зачем тебе еще это глупое колечко?» Глубина человеческого опыта несводима к информации, нельзя просто проинформировать или уведомить о своей любви к девушке. Настоящая любовь безбрежна и неисчерпаема, поэтому она жаждет разродиться не в знание, информацию, а знак, задача которого *указать* на глубину, обозначить ее, но не вычерпать до конца. Так обычный торт, обращенный в знак внимания, обретает духовный статус, становится символом глубоких и значительных чувств, вплетается в биографию целого рода, обретает бессмертие, даже растворившись в желудках влюбленных.

Цветы, торты, колечки бесполезны, временами разорительны, порой опасны и ведут к ожирению. Но когда мы вступаем в область значительного, другой счет деньгам и времени, другое измерение полезности. Помните «богословский диспут» из истории дяди Федора из Простоквашино? Мама героя вступает в дискуссию с мужем на предмет решительного удаления кота Матроскина из дома:

- Что-то у нас кошачьим духом пахнет. Не иначе как дядя Федор кота притащил.
- Ну и что! Один кот нам не помешает!
- Ну, тебе не помешает, а мне помешает. Ну, ты сам подумай: какая от этого кота польза?
- Ну... почему обязательно польза? Какая, например, польза от этой картины на стене?
- От этой картины на стене очень большая польза: она дырку на обоях загоразивает.
- Ну и что ... И от кота будет польза! Он мышей ловить может.
- А у нас нет мышей.
- А мы заведем.

Любители кошек прекрасно понимают, что кошки, на самом деле, бесполезны, как и все подлинно прекрасное в этом мире, и если так уж нужно оправдать их пользу, мы готовы на разведение мышей. Кошка бесполезна, как, на самом деле, бесполезна картина на стене, но нельзя обойтись без кошки и без картины.

Прояви уважение!

Избыток сердца отражается в избыточности знака. Может Церковь обойтись без дорогих облачений, драгоценных окладов, затратных колоколен и дорогостоящих колоколов? Вполне. И временами Церковь «стряхивает» с себя все лишнее, проходит путь самоочищения, но колокольни и драгоценности появляются снова и снова, потому что, если ваше сердце взволновано верой по-настоящему, значительно, оно потребует осязаемого знака, дорогого, избыточного, бесполезного. Здесь действует та же логика, что и в универсальной духовности.

Уважение к подвигу погибшего героя в светском обществе означает минуту молчания. Есть ли какая-то польза в том, что несколько десятков, а то и сотен взрослых дееспособных мужчин простаивают во время рабочего дня? Мы уже заметили на примере «безумия» отцовства, что человеку, переживающему значительное событие, необходимо выплеснуть избыток своего сердца в знак. Причем это должен быть не простой знак, обыденный, будничной, бытовой, а нечто особенное, если хотите, сакральное, выходящее за рамки обычной жизни.

Избыток сердца «разряжается» в знак, что вовсе не обосновывает полезность знака. Логика пользы здесь просто не работает. Это другое измерение человеческой жизни, измерение универсальной духовности.

Смотришь американский фильм. Народ собирается на похороны. Какой-то парень забывает надеть галстук. Его одергивают:

– Прояви уважение!

Если человек придет на похороны без галстука, кому от этого станет плохо? Покойнику? Ему все равно. Близким? Как мой галстук облегчит их боль?

Дело не в галстуке как изделии текстильной промышленности. В этом обществе, в этой ситуации галстук есть знак уважения, и хоть это и не единственный способ проявить уважение, но он понятен каждому.

– Зачем вы несете на кладбище кулича на Радоницу? Неужели вы думаете, что покойники станут ими разговляться?

– А зачем вы носите на кладбище цветы? Вы верите, что усопшие оценят их запах?

Верующий вы человек или неверующий, вы все равно живете в поле культуры, в том параллельном мире подлинно человеческого, о котором не знают кошки. В этом мире очень важны знаки, вы не можете обойтись без них, отказаться от проявления и означивания того опыта значительного, без которого трудно себя называть человеком.

Постмодернизм

В Москву мы ездим через Брянск. Старая брянская дорога. Там стоит знаменитый памятник военным шоферам. Никогда толком я не видел этот монумент, но всегда отчетливо его слышал. Есть обычай у шоферов, проезжая это место, сигналить в память фронтовых водителей. Такое место не пропустишь, не продремлешь.

– Зачем они это делают? Кому нужен этот неблагозвучный сигнал? Не пустая ли это трата сил, средств и внимания?

– А зачем горят по всей стране вечные огни? Так ли необходимо было бросать на параде 1945 года фашистские знамена к ступеням мавзолея?

Все это нужно – и знамена, и сигналы, и огни. *От избытка сердца говорят уста* (Мф. 12: 34). Там, где человек переживает опыт значительного, опыт глубоко духовный, рождается потребность обратить его в знак.

Значительное должно быть означено

Однажды я привез букет цветов на братскую могилу в тихой белорусской деревушке. У нас почти в каждой деревне есть такие места. Много полегло ребят, защищавших Родину от нацистских злодеев. Совершенно незнакомый человек просил отвезти цветы на могилу дедушки. Внук жил далеко, но каждую весну навещал деда, а в тот год сильно заболел, важной даты пропустить не мог, и пришлось ехать мне, гомельскому попу. Многие из тех, кто лежат в этом холмике, были атеистами, и верный потомок героя тоже человек неверующий, но даже атеизм не способен вырвать из области подлинно человеческого, из сферы универсальной духовности.

Ты не веришь в духовный мир, но даже при твоём подчеркнутом материализме есть нечто, что ты любишь больше жизни, и нечто, что ненавидишь больше смерти. Умереть за правду, за правое дело, отдать жизнь ради справедливости, ради высокой идеи – это духовный опыт, хоть мы и не можем назвать его религиозным.

Что дороже жизни?

Советские дети очень любили балладу Стивенсона «Вересковый мед». Завораживающие стихи! Жестокий шотландский король захватывает земли сказочных пиктов, истребляя маленький народ полностью. Вместе с пиктами погибает и рецепт вкуснейшего эля из вереска. Но однажды удается выследить двоих, последних из выживших, отца и сына, прятавшихся за большим камнем. Их хватают и ведут на пытку, чтобы выведать секрет меда. Старший наконец соглашается открыть тайну, при условии, что сына бросят в море у него на глазах, чтобы не было свидетеля его старческого предательства. Когда мальчика поглотили волны, старик открылся:

– Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.
А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна –
Мой вересковый мед!

В детстве никому из нас даже на ум не приходило спросить: стоил ли кулинарный рецепт жизни двух последних представителей уникального этноса? Сегодня, когда я разбираю этот текст со студентами, этот вопрос звучит.

Почему? Что случилось? Это поколение менее духовно, менее восприимчиво и чувствительно к вопросам чести, правды, справедливости?

Все в порядке у наших ребят с духовностью и чувствительностью. Ничем они не хуже нашего поколения, а временами мне кажется, что и лучше. Просто им выпало жить в эпоху постмодернизма.

Оскудевшая современность

Наконец-то это модное или пост-модное слово появилось у меня перед глазами! Даже как-то дышать стало легче! «Постмодернизм» – термин настолько же популярный, насколько и многозначный. Чтобы понять его значение, я не бегу за томиком Деррида или Барта, а открываю «Дон Кихота» – самую яркую звезду постмодернизма всех веков и народов. Постмодернизм – это не исключительная привилегия нашей эпохи. Это явление духовной жизни человека и общества, которое случается с предсказуемой регулярностью. Не мы первые, хотя у всякого поколения есть шанс стать последними.

Постмодернизм – это кризис перепроизводства знаков, синдром культурного самоотравления. Случается этот кризис там, где культурное развитие достигает своего пика и расцвета, так что человек просто тонет в знаках, они умерщвляют в нем силу к жизни, вызывают разочарование и усталость. Нечто подобное я переживаю, когда попадаю в гигантский супермаркет, в котором решительно все есть. Это изобилие так подавляет меня, что я убегая из магазина с пустой корзиной.

Разве это плохо, когда всего много и все под рукой? Еще раз: постмодернизм – это кризис перепроизводства знаков. Помните? Значительное должно быть означено.

А если знаков много, а значительного мало? Если за знаками нет значимого, нет значительного? Если все это не свидетельства подлинного и непреходящего, а маски, полые внутри? Вот и не удивительно, что приходит кому-то мысль, будто и нет никакого значительного, и все разговоры про справедливость, правду, истину и честь не более чем игра в слова, и все вокруг – карнавал пустых знаков в утомленном мире, не знающем ни пороков, ни добродетелей, ни святых, ни злодеев.

Пепел библиотек

Тот, кто, рискуя здоровьем, читал Петрония или утешался Диогеном Лаэртским, смутно догадывается о подлинных причинах пожара Александрийской библиотеки. Поджигателей на самом деле пугало не качество книг, а их количество. Дон Кихот – это продукт книг, человек, который превратил себя в бесконечную игру цитат, зеркальную комнату с бесконечным числом отражений. Не случайно на подвиги выходит не славный рыцарь, а немощный старик – скудость значительного при навязчивой претензии знака.

Пост – это скудость, оскудение. Конечно, это не имеет никакого отношения ни к семантике, ни к этимологии слова «постмодернизм», но мне слышится в этом названии усталость от пустоты и избытка знаков, за которыми нет значительного, оскудение духа. Люди ждут героев и подвижников, а вместо них скачут безумные старики на древних клячах. Потому главная эмоция постмодерна – ирония, она помогает справиться с этим морем масок, не захлебнуться в нем.

– Но какое все это имеет отношение к духовной жизни христианина?

– А разве верующие живут в каком-то ином мире? Разве нас, современных христиан, не захлестнуло море знаков, за которыми нет значительного?

Недавно я выбежал в испуге из большого православного магазина в Москве. Повторилась паника супермаркета. Много! Очень много! Это хорошо и радостно, что издано столько книг, что доступны издания на разных языках, но как нам с этим справиться? Как пережить доступность и избыток святынь, золото храмов и роскошь иконостасов? Нет ли здесь постмодернистской диспропорции между знаком и значительным?

После очередного книжного приступа доктор приказал слугам Дон Кихота заложить кирпичами дверь в библиотеку. Когда «доблестный рыцарь» пришел в себя, он по привычке стал искать заветную комнату с книгами. Вместо двери – гладкая стена, оклеенная свежими обоями.

– Где вход?

– Куда?

– В библиотеку.

– Какая библиотека? Не было тут никакой библиотеки. Придумали тоже!

Надо ли и нам сжигать библиотеки и раздать церковные богатства нищим? Это исключительная мера, тем более что у нее есть авторские права. Некто Иуда Симонов Искарот, человек гибкого ума и нерастрченных талантов, был возмущен поступком бедной женщины, выплеснувшей целый алавастр драгоценного мира на ноги Спасителя.

– *Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?* (Ин. 12: 5).

Полезное и рационально обоснованное предложение. Но Христос принял сторону женщины, оправдал ее правоту. Никакой постмодернизм, никакое обнищавшее героизмом время не отберет у человека право на широкий и бескорыстный жест, который идет от избытка сердца. Был бы этот избыток! Оскудевшую современность не спасешь заколачиванием библиотек. Надо давать место поступку, подвигу и героизму, даже в малом, даже в обыденном, не боясь насмешек и желчной иронии. А потому в романтике Дон Кихота больше правды, чем в рационализме Иуды.

Как рождается взгляд?

Анна Андреевна Ахматова была настоящей дамой. Ее мнение ценили, перед ее взором трепетали. Однако была дама, которой смущалась сама Ахматова. По возрасту она бы годилась Анне Андреевне в бабушки, если бы не одно затруднение: дама была статуей. «Девушка с кувшином» – это фонтан в Екатерининском парке Царского Села. Невероятной красоты образ, который завораживал питерскую поэтессу:

Я чувствовала смутный страх
пред этой девушкой воспетой.

И девушка, и кувшин были старше Ахматовой, но гораздо младше Пушкина, однако именно Александр Сергеевич был первым певцом и пророком волшебного фонтана. У него есть знаменитое стихотворение «Царскосельская статуя»:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила. Дева печальна сидит, праздный держа черепок. Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой; Дева, под вечной струей, вечно печальна сидит.

И не важно, что скульптор изобразил сюжет басни Лафонтена, и кувшин был не с водой, а с молоком. То, что увидел Пушкин, – *правда*, с которой никто не станет спорить. Хотя нашелся один талантливый юноша, который через много лет «осадил» гения:

Чуда не вижу я тут.
Генерал-лейтенант Захаржевский,
В урне той дно просверлив,
Воду провел чрез нее.

Озорника звали Алексей Константинович Толстой. Известный поэт и юморист. Но здесь я вспоминаю всех этих замечательных людей не для того, чтобы освежить славные страницы русской культуры. Мне интересно, как по-разному могут видеть люди одну и ту же картину, один и тот же образ. Кто из них прав, а кто заблуждается?

Оба правы. Каждый по-своему. У статуи есть автор, талантливый русский скульптор, есть инженер, который провел воду, используя законы гидравлики, есть художник, который грамотно и умело организовал ландшафт, и все это вместе производит волшебное впечатление, так волновавшее воображение поэтов.

Люди помнят Пушкина и Ахматову, но мало кто вспомнит имя автора фонтана. Почему? Потому что поэты – пророки универсальной духовности. У них есть дар видеть мир не так, как видят его обычные люди, и мы интуитивно понимаем, что их взгляд не более точен, а более правдив. В нем больше правды, чем во всех диссертациях ученых, что вовсе эти диссертации не перечеркивает.

Поэты – виртуозы сотворения знака, самые искусные мастера означивания. Так свой труд и служение определял, например, Александр Блок:

Ведь я – сочинитель,
человек, называющий все по имени,
отнимающий аромат у живого цветка.

Значительное должно быть означено, в данном случае – обрести имя. Поэты одарены способностью видеть значительное, проговаривать его, давать ему имена, обращать в пластич-

ный и запоминающийся образ. Если бы Пушкин не научил нас *видеть* царскосельскую статую, мало кто заметил бы ее красоту.

Как мы смотрим? Как мы видим? Перед нами всего лишь система трубок и выполненный в соответствии с чертежом и технологией оплаченный заказ? Очень важная и опасная прибавка – «всего лишь».

Как возможно кощунство?

В самом начале девяностых годов я с удивлением слушал, как взрослые обсуждали необходимость прекратить подачу газа к Вечному огню. Каждый год мы ходили к памятнику всей школой и приносили наши скромные букетики тюльпанов. Краснели знамена, говорились речи, и мой дедушка в орденах очень красиво и мудро молчал, опустив голову. И тут решили потушить. Потому что это не рационально – расходовать газ безо всякой пользы. Правда, спорили вяло. Даже защитники были тогда страшно растеряны.

Спустя десятилетия спорили уже покрепче, обсуждая поступок подростков, жаривших на Вечном огне сосиски. В чем проблема? Ведь это *всего лишь* огонь, грамотно и рационально организованная газовая горелка, а дети проголодались. Что может быть священнее ребенка? И тогда прозвучало слово «кощунство».

В январе 2017 года в Киргизии разбился самолет. Погибли более тридцати человек, большинство из них люди, которые жили недалеко от аэродрома в дачном поселке. На дома беспечно спящих людей рано утром упала огромная грузовая машина. Погибли дети, женщины, простые мирные люди. Президент объявил день национального траура. Горожане начали собирать для семей пострадавших вещи, продукты, одежду.

В эти дни преподаватель столичного университета написала на своей страничке в социальной сети, что удивляться и сильно расстраиваться по этому поводу не следует. Это *всего лишь* один из моментов естественного отбора. Идет чистка нации, ведь самолет упал как раз на тот поселок, где жили «понаехавшие» из беспокойных южных районов Киргизии мигранты.

За эту публикацию преподавательницу не только уволили из университета, но и возбудили уголовное дело. Людей возмутил такой неприкрытый цинизм. Девушку обвинили в кощунстве.

А что такого особенного сказала киргизская преподавательница? Она сослалась на естественный отбор. Не этому ли учит школа, не концепция ли дарвинизма доминирует в естественнонаучном мировоззрении вот уже более века? Так почему мы осуждаем человека, который был просто последовательным в своем мировоззрении? Что такое кощунство, почему оно вызывает у нас такой эмоциональный протест?

Этой теме не любят касаться люди нерелигиозные. В самой сердцевине нашей духовной жизни лежит интуиция святыни. Сейчас я говорю не о религии, а о сфере универсальной духовности, об области подлинно человеческого.

Об этом опыте универсальной духовности верующим людям тоже полезно помнить. Мы не любим, мы бурно протестуем, когда кто-то позволяет себе кощунство и оскорбление в адрес наших религиозных святынь, но, если быть до конца честным, сами христиане не часто проявляют уважение к чувствам людей «из внешних».

Молчание старца

Подчеркну: никто не смеет требовать от христианина «бросать горсть ладана на алтарь чужого бога». Уважение надо проявлять не к чужим богам, а к чувствам людей, к человеческому опыту значительного – такова максима универсальной духовности. Это очень спорное утверждение, и в ответ мне могут представить почтенный перечень свидетельств того, как бесцеремонно поступали святые с чужими богами.

Спор между религиями – отдельная тема, требующая особого подхода, но я сейчас говорю о духовности универсальной, а не о религии. Нас интересуют духовные упражнения, в связи с чем и ставится вопрос: можно ли развить способность видеть вещи, как их видят поэты, не оторвавшись при этом от реальности, но и не скатившись к близорукому «всего лишь».

– Царскосельская статуя и Вечный огонь – это, простите, две абсолютно разные истории. Тут – прихоть эстета, а там – народная скорбь.

– Никто не станет спорить! Мне интересно другое: как рождается взгляд?

Могилы героев, у которых горит Вечный огонь, – святыня в измерении универсальной духовности. Священники иногда возлагают цветы к Вечному огню, но это не религиозный жест, а жест уважения, выросший на поле универсальной духовности. Вечный огонь – знак, указывающий на *значительное*. Значительным его делает опыт страдания, выпавшего на долю наших предков. Сколько горя и боли вынесли люди в Великую Отечественную войну, нашему поколению даже сложно представить. Вечный огонь – это людская боль, воплощенная в знаке, и если кто-то не способен ее разглядеть, у него дефект *духовного* зрения.

У нас в монастыре жил старенький монах, отец Иоанникий. Он прошел всю войну, но никогда не рассказывал о том, что пережил. Однажды мы хотели сделать ему приятное и на 9 Мая включили ему телевизор с каким-то военным фильмом. Батюшка был в приподнятом настроении, шутил и с удовольствием смотрел концерт, но когда начался фильм, он неожиданно замолчал, резко поднялся и вышел. Никогда он не смотрел кино про войну. В этом суровом молчании было гораздо больше боли, чем во всех рассказах свидетелей.

Ослепший мир

У Чингиза Айтматова есть гениальная повесть «Белый пароход». Это история о том, как по-разному люди видят мир. На самом краю леса стоит домик лесника, человека циничного и злого. Он не любит зверей и деревья, он вообще никого не способен любить, а потому постоянно пьян и избивает свою жену, издевается над ее стареньким отцом и племянником, маленьким мальчиком, который растет здесь в лесу, восхищаясь своим невероятным дедом. Деда зовут Расторопный Момун. Он неисправимый добряк и труженик. Именно дед рассказывает мальчику историю их рода и легенду о белой матери-оленихе, которая когда-то спасла их народ, но теперь покинула эти места, потому что люди стали жадными и злыми. А малыш – мечтатель и поэт, он дает имена камням и деревьям, а сам мечтает однажды стать рыбкой, чтобы уплыть к своему отцу, который где-то плавает на белом пароходе.

Мальчик любит лес и смотрит на него своим взглядом, переживая за деревья и зверье, мерзнувшее в суровые зимы. Он мечтает, чтобы мать-олениха вернулась и принесла счастье в их семью, чтобы дедушка отдохнул, чтобы вернулись мама и отец, а у тети родился ребенок, которого она так долго ждет. И вот однажды мальчик увидел у лесной речки белую олениху с изящными тонкими рогами и олененка. Он так обрадовался, что даже заболел, слег в бреду и пропустил то, что случилось потом. Потому что взрослые тоже увидели красивых зверей, но если эта встреча родила в сердце малыша молитву, которая продолжалась даже в бреду, то восторг охотников вырвался фразой:

– Это же сколько центнеров мяса по лесу гуляет!

Молитва и – мясо! Малыш увидел образ легендарной спасительницы их древних предков, взрослые – просто мясо.

История заканчивается трагически. Мальчик идет на поправку и совсем слабеньким выходит во двор, где идет странная многолюдная пирушка. Все пьяные, даже его любимый дедушка. Взрослые ему дико рады, каждый старается его чем-то покормить, а посреди двора стоит нетрезвый дядя, который пытается вырвать рога из головы какого-то зверя. И паренек наконец видит голову белой матери-оленихи.

Он убегает из дома. Идет к реке. Чтобы стать рыбкой. Потому что в этом ослепшем мире ему нет места.

Человек не может без святыни. Чаще всего он и не задумывается, что живет только ею и ради нее. Не всегда природа этой святыни религиозна, но опыт святыни – это опыт *значительного*, опыт подлинно человеческого, тот самый опыт, который делает нас людьми. Здесь каждый, даже самый сильный, предельно уязвим, здесь самое хрупкое место человека, поэтому люди скорее предпочтут прикинуться циниками, чем открыть перед другими свои святыни. Иногда только в большом горе человек находит ту сердцевину, которой жил многие годы. Но стоит утратить ее, и жизнь теряет всякий смысл. Этот опыт, какова бы ни была его природа, достоин уважения и трепетного отношения, а значит, каждый из нас нуждается в воспитании взгляда, в духовно развитом искусстве видеть невидимое, но самое главное, в искусстве с трепетом и восторгом созерцать таинство святыни.

Можно ли простить Гитлера?

Педагогическая конференция – самое скучное занятие, которому мне доводилось предаваться. А что делать? Надо ходить. А иногда и читать доклады, потому что и Церковь, и школа озадачены проблемами *духовно-нравственного воспитания*. Долгое время я не мог понять смысла этой фразы. Духовное воспитание подразумевает нравственное развитие, не так ли? Тогда зачем эта тавтология – духовно-нравственное воспитание, – ведь духовное уже по определению нравственно?

– Может ли духовность быть безнравственной? Духовность со знаком минус?

– Конечно! Духовность – это в том числе и мир идей и их творческого воплощения.

Чем вдохновлялся Гитлер? Это был человек по-своему бескорыстный, и если вам нужно найти образец всепоглощающей идейности – это отличный экземпляр. Если кто и жил идеями, так это приснопамятный фюрер. Всякий идейный человек, какую бы систему взглядов он ни проповедовал, в конечном счете вдохновляется идеей всеобщего блага, другими словами, хочет всем добра.

– Почему же тогда некоторые товарищи говорят, что Гитлер есть абсолютное зло?

– Потому что ради воплощения своего идеального мира он убивал людей и преуспел в этом настолько, что мало кто в истории может с ним сравниться.

Безобидное греческое слово «идея» обрело философский вес благодаря Платону. Мы его любим всем сердцем. Платончик нам друг, и мы его никому не отдадим, а один английский дядечка даже как-то сказал, что вся история западной философии есть не более чем записки на полях платоновских рукописей. Но, читая «Государство», ловишь себя на мысли, что это описание идеального концлагеря с вполне нацистскими приемами генетического отбора, уничтожения семьи, тотального контроля и прочих безобразий, которые вызывают читательское умиление и порождают бесчисленное число восторженных диссертаций только потому, что никогда не были реализованы.

Не только воплощение, но и сами идеи могут быть глубоко безнравственны, однако, даже осуждая Гитлера, христианин никогда не позволит себе назвать его абсолютным злом. Почему?

Духовность универсальная отличается от духовности религиозной главным образом тем, что для религиозного человека мир духовного – это не столько сфера идей, концепций и культурных продуктов, сколько обитаемое царство, область, населенная духами. Можно даже сказать, что это область, перенаселенная духами, поскольку к миру бесплотных духов – ангелов и демонов – мы присоединяем и души умерших людей, а это, при самых скромных подсчетах, гораздо больше нынешнего населения земного шара, которое тоже через несколько десятков лет разнообразит собой мир предков. Как пел Александр Дольский:

И растает тело с духом,
Когда земля нам станет пухом.

Мир духов для нас родной, при всей его пугающей загадочности. И дело не только в том, что нам предстоит там провести большую часть своего существования. Хотя мы и привыкли называть область духов миром сверхъестественного, по-христиански вернее было бы и эту сферу называть естественным, потому что вместе с миром духов мы все – и живые, и усопшие, и бесплотные духи – представляем семью сотворенных существ. Мы вместе с таинственными духами разделяем единую область тварного бытия.

– Придумаете тоже – ангелы, демоны, покойники... Выдумки все это!

– И каждый христианин с вами согласится. Ангелы – это чистой воды выдумка! Собственно, как и люди!

И ангелов, и людей, и весь этот мир придумал Бог. Бог – Творец этого мира, а мы – его создания, произведения, сотворенные существа. Ангелы такие же тварные сущности, как и люди, а значит, они не абсолютны. Даже демоны по своей природе, по своей nature, если угодно, тварному субстрату – не зло. Злой природы не существует. Есть злая воля свободных тварных существ, изначально сотворенных и задуманных добрыми. И самый нерв этой злой воли – человекоубийство.

Христос называет сатану человекоубийцей от начала и отцом лжи (Ин. 8: 44). Самое ненавистное слово для злых духов – это не «добро», а скромный глагол «быть». Вся воля злых духов направлена против живого, им ненавистно все, что есть, существует, бытийствует, и в особенности живой человек – самое большое оскорбление для демонов – пророков и блюстителей идейной и бытийной стерильности.

Любое убийство есть зло. Но настоящий демонический оттенок оно приобретает, когда это убийство становится идейно бескорыстным. Любая русская женщина, встретив Гитлера, скорее всего, пожалела бы беднягу, а может быть, и усыновила. Но простить Гитлера нельзя. И дело не в нем самом, не в его судьбе в вечности, о которой нам ничего не известно, а в том, что некоторые имена и образы так глубоко врастают в события и поступки, что отделить личное от исторического уже совсем невозможно, и если мы никогда не оправдаем нацизм, то и Гитлеру нет прощения. Хотя человек религиозный смотрит чуть дальше, чем светский политолог и философ, видя за спиной диктатора багровую тень прародителя зла.

Но нам интересен не Гитлер и не Платон, а тот факт, что наши «минусы» не совпадают. Знак «минус» универсальной духовности не тождественен «минусу» духовности религиозной. Это два разных языка, описывающие два разных мира. Путаница тут недопустима. Фраза «абсолютное зло» на языке универсальной духовности возможна, но христианин, оценивая область духовного, не может себе позволить такого выражения.

Гораздо важнее для нас пойти дальше. Ведь тут мы впервые заговорили о разделении духовной сферы на сотворенную и нетварную. Эта тема требует подробного разговора, потому что касается самой сердцевины христианской духовности.

Нездешний Бог

– И что же старец тебе сказал?

– Всю правду, всю жизнь – от и до! И книгу подарил. Про Бога. С картинками.

Этому разговору четверть века, но каждый раз, вспоминая, я не могу сдержать улыбки: «книга про Бога с картинками». Интересно, как должна выглядеть «книга про Бога», да еще и с картинками? А если убрать улыбку:

Как возможна книга о Боге?

В моем детстве единственными доступными «книгами про Бога» были антирелигиозные издания, например, Лео Таксиль и его «Забавная библия» и «Забавное евангелие». Смешные книжки со смешными рисунками. Я собирал любые упоминания о Боге и Церкви, поэтому не ограничивался только текстами, у меня также хранились сборники атеистических карикатур, на которых Бог изображался старичком на облачке среди умильных ангелов в белых ризах. Это странно, но вся эта литература никак не задевала моих зарождающихся религиозных чувств. Уже школьником я скорее предчувствовал, чем понимал, что все это к Богу не относится, потому что никакой Он не старичок в длинных ризах и мир ангелов – это не его мир.

Обычному человеку совершенно естественно умозрительно разделять мир на духовный и физический, потусторонний и наш уютный *догробный* мир, как его называл покойный Терри Пратчетт. Бога, ангелов, святых и демонов мы помещаем в мир духовный, а этот видимый мир – для нас, живых и зримых. Однако Евангелие говорит другое: Бог равноудален и от загробного, и от догробного мира, как и равноблизок каждому из миров, потому что настоящая бытийная пропасть пролегает не между миром духов и миром материальным, а между тварным и нетварным, созданным и несотворенным, и «Родина» Бога – нетварный мир.

Бог без Родины

Слово «тварь» в обыденной речи воспринимается или как ругательство, или как литературное клише. Мой приятель завел себе микрособаку чихуахуа, окружил ее заботой и любовью и от избытка нежности назвал «тварь дрожащая», помянув Достоевского всуе.

В богословском лексиконе «тварь» – один из важнейших терминов, без правильного усвоения которого невозможно понять христианское богословие. Тварь – это бытие сотворенное, сочиненное, сделанное, выдуманное Богом. Между нами и Богом принципиальная разница или, как говорят у нас в Гомеле, «онтологическая пропасть»: Бог – несотворенное бытие, наш мир, ангелы, демоны, люди и их призраки – сотворенное, тварное бытие. Это не игра в слова, а вывод, сделанный богословами, тщательно изучавшими Священное Писание.

Не одно поколение христианских мыслителей задавало вопрос: Христос – кто Он? Бог или человек? Ведь Писание называет Его и Богом, и человеком. Хороших и святых людей было немало, а некоторые из них обладали такой духовной силой и творили такие чудеса, что все истории о Христе смотрятся не так ярко, как хотелось бы нашим учителям. Но тексты Нового Завета настаивают на том, что Христос не просто святой пророк и праведник, Он – Бог.

Если мы кого-то называем Богом, что мы имеем в виду? Однажды я шел со своим приятелем по прекрасному гомельскому парку, рассуждая о противоречиях концепции истории у блаженного Августина. Малыш в зимнем пальтишке отважно ковырял лопаткой упругий сугроб, перебрасывая снег в соседнюю ямку. Тяжелый взмах, малыш резко повернулся и неожиданно узрел «светоносное видение»: два представительных батюшки в зимних рясах и меховых скуфьях проплыли мимо, увлеченные разговором о высоком. Мальчик выдохнул с восторгом:

– А-а-а!.. Бо-о-оги!

Нам удалось поразить воображение малыша, хоть и не собирались. Восторг и восхищение всегда вызывает сила и необычные эффекты, поэтому люди любят комиксы и супергероев – это современная версия языческих саг о людях «сильных и издревле славных». И нет ничего странного в том, что в современном кино плечом к плечу с супергероями весело резвятся греческие и скандинавские боги – они *здеишние*, они необычные, милые, временами невыносимые, но мы их хорошо понимаем, тем более что порой они готовы прийти людям на помощь.

Бог в представлении христиан – это не один из бесплотных помощников. Даже имя «Бог» Ему не совсем в пору, потому что это некое родовое понятие, а Творец – Единственный в своем роде. Наш народ постоянно обличают в двоеверии, в языческой интерпретации христианства, и оправдываться тут нечего, есть такая проблема. Очень тяжело мыслить Бога так, как проповедует Евангелие. Хочется найти ему место в бытийной иерархии космоса, но откровение о сотворенности мира видимого и невидимого Богом «из ничего» не позволяет сделать этот естественный вывод.

Ведь даже термин «дух» в отношении Создателя мы вынуждены употреблять с оговоркой. Бесплотные духи, населяющие сотворенный космос, все «сотканы» из «нитей» тварного мира, пусть даже об этой «ткани» мы практически ничего не знаем. Когда мы говорим, что Бог – Дух, подразумеваем – Иной, Другой, не из «ткани» этого мира. И тут же себя одергиваем, потому что Воплощенный Бог – это Бог, у Которого, в отличие от ангелов, есть осязаемое человеческое тело, которое стало Телом Бога навсегда.

Фродо пишет Толкину

Лично мне помогает лучше понять христианское учение о Боге чтение любимых книг. Например, «Властелина колец». Дело не в эпичности сюжета, а в условной «тварности» мира Средиземья. Давайте внедрим вопрос «как возможна книга о Боге» в пространство трилогии Толкина. Тогда он прозвучит так: что напишет Фродо Торбинс в книге о профессоре Толкине?

Мир Средиземья имеет своего творца. Между Фродо Торбинсом и Джоном Толкином лежит та самая «онтологическая пропасть», непроходимый бытийный разрыв, который не предусматривает какую бы то ни было связь между двумя мирами – «тварным» миром хоббитов и «нетварным» оксфордского сочинителя. Профессор Толкин – подлинный творец мира Средиземья, автор его судьбы, сюжетных поворотов его истории. По отношению к Фродо Толкин находится в духовном мире? Мы не можем так сказать, потому что во вселенной Средиземья есть свой «тварный» духовный мир, населенный высшими существами и душами усопших, духами героев и злодеев. «Коварный» Толкин дошел до того, что даже поместил бога-творца Илуватара на вершину бытийной иерархии этого мира. Но, привлекая христианские аналогии, настоящий бог для Средиземья не Илуватар, а профессор Толкин.

Осторожно напомним: это всего лишь аналогия, помогающая понять христианское учение о Боге. Аналогиями не следует увлекаться. Однако некоторые линии сравнения можно смело продолжить. Большинство писателей жалуются на сопротивление своих героев и признаются, что некоторые поступки сотворенных ими персонажей и повороты сюжета даже для матерых писателей бывают полной неожиданностью. Даже в творческом взаимодействии автора и его героя у «тварного» существа остается свобода действия или отношения к тому, к чему приговаривает его создатель.

Бог Воплощенный

Однако Евангелие передает совершенно уникальную историю, когда Автор Сам становится персонажем своего произведения, реально и действительно воплощается в ткани сотворенного мира, становясь навсегда его частью, при этом не переставая быть Творцом.

Что знал Фродо о существовании Толкина? Молился ли Фродо своему настоящему творцу, получал ли от него ответ? Попал ли Торбинс в мир своего автора после смерти?

Христос – Автор нашего мира. Между Творцом и творением лежит непроходимая пропасть, но из любви к людям Создатель эту пропасть переходит, навсегда соединяя мир тварный и нетварный, делая доступным для тварного мира приобщение к полноте Жизни Творца.

– Откуда мы это знаем?

– Из Откровения. Сам Бог открылся нам в Евангелии.

– Где доказательства?

– Крест и Воскресение – вот доказательства. Других нет.

Можно много спорить о том, как доказать, что Бог-Творец действительно стал человеком, исцелил этот мир, приобщил его Своей Жизни. Но мне кажется, это навсегда останется вопросом веры и личной встречи со своим Автором.

Даже мудрейший Гэндальф не подозревал о существовании Толкина. То есть Толкин и не существовал в том тварном мире, который населяли эльфы, хоббиты и валары, потому что он не воплощался во вселенной Средиземья, да и не мог.

До воплощения Творца мира пределом богословия была естественная догадка о нашем «внутримирном», имманентном «Илуватаре», но не о Создателе, иноприродном тварному миру. Но Бог стал человеком и открыл о Себе самое важное:

Бог есть Любовь. Бог есть Человеколюбец.

Однако оставим богословие людям ученым. Не богословские споры здесь для нас важны, а ясное понимание того, что духовная жизнь христианина сосредоточена не столько на исследовании тварной духовности, сколько на приобщении к миру несотворенному, той Подлинной Жизни, которую наши духоносные старцы открывали в сиянии нетварного света. Нетварная духовность или жизнь в Духе Святом – вот на чем строится духовность христианская.

Христианство и религия

Христианство начинается с откровения о Воплощенном Боге. Христос – это Автор нашего мира, Сочинитель, придумавший каждого из нас. Он добровольно и свободно решил разделить судьбу сотворенного Им мира, став причастным тварному бытию однажды и навсегда. Он не просто некий сверхъестественный Поэт, один из многих возможных создателей и выдумщиков, подобно тому, как в нашем мире есть множество писателей и художников, конструирующих свои «тварные миры». Евангелие говорит о том, что наш Бог – Автор самого авторства, Творец самого творчества, Он не один из многих богов и создателей, Он Единственный. И самое главное откровение – это то, что Он – Любовь и Человеколюбец, и мы созданы по Его образу, а потому и наше естественное состояние – любовь и человеколюбие.

Любовь к людям и миру Бог открывает не в словах и поучениях, а самым делом. Как говорит апостол Павел: *Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками* (Рим. 5: 8). Смерть и Воскресение Воплощенного Бога – реальная смерть и реальное воскресение – свидетельства Его Любви и откровение о нашей судьбе, потому что Он хочет сделать нас причастными Жизни Его нетварного мира, то есть причастными Жизни Божества. Однажды наш «выдуманный» мир вольется в мир несотворенный, приобщится Жизни Божественной, и эта новая жизнь называется в Писании *Царство Небесное*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.